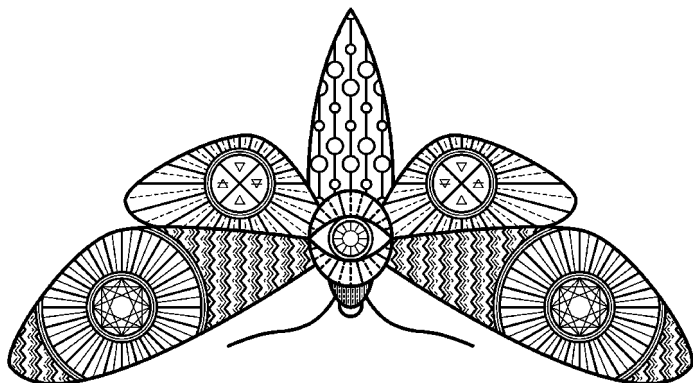

Читайте в серии:

МЕЧТАТЕЛЬ СТРЭНДЖ
МУЗА НОЧНЫХ КОШМАРОВ

ЛЭЙНИ ТЕЙЛОР

МЕЧТАТЕЛЬ
СТРЭНДЖ

Freedom

Москва

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т29

Laini Taylor

STRANGE THE DREAMER

Copyright © 2017 by Laini Taylor

Cover illustration © Jantine Zandbergen

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved.

Тейлор, Лэйни.

Т29 Мечтатель Стрэндж / Лэйни Тейлор ; [пер. с англ. А. Харченко]. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с. — (Young Adult. Бестселлеры).

ISBN 978-5-04-093146-0

Лэйни Тейлор — автор бестселлеров New York Times, призер многочисленных литературных конкурсов, чьи романы переведены на 17 языков. «Мечтатель Стрэндж» — победитель премии Printz Honor Books 2018 и финалист премии National Book 2017.

Лазло Стрэндж, юный сирота, вдохновенный библиотекарь, чья одаренность скрыта за грубой наружностью, грезит историями о потерянном городе. Две сотни лет назад безжалостные боги похитили небо и отрезали Невиданный город от остального мира. В битве за свободу он потерял самое драгоценное — имя, остался только Плач.

В надежде вернуть утраченные небеса вынужденный лидер Эрил-Фейн собирает ученых со всего света. Исключительная возможность предоставляется и Лазло, творцу, готовому следовать за мечтой на край света. Сможет ли юноша спасти Плач или боги навсегда сломили дух его жителей? В Невиданном городе Лазло ждут множество вопросов, ответы на которые он сможет получить лишь во сне, где встретит таинственную богиню с лазурной кожей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Харченко А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-093146-0

Алекса̀ндре — единственной в мире

ПРОЛОГ

На второй Шабаш двенадцатой луны в городе Плач с неба упала девушка.

Кожа ее была голубой, а кровь — алой.

Она приземлилась на железные ворота, смяв их при ударе, и повисла на них, выгнувшись под неестественным углом — изящная, как храмовая танцовщица, лишившаяся чувств в объятиях возлюбленного. Скользящий флерон пригвоздил ее к месту. Наконечник, торчащий из груди, сверкал как брошь. Девушка на секунду затрепетала, когда ее призрак освободился от тела и с длинных волос посыпались огненно-рыжие бутоны.

Позже люди скажут, что это были вовсе не бутоны, а сердца колибри.

Они скажут, что она не *истекала* кровью, а *плакала* ею. Что девушка вела себя непристойно и облизывала языком зубы, пока висела вверх ногами и умирала; а еще — что ее стошнило змеей, которая обернулась дымом, едва коснувшись земли. Они скажут, что налетела неистовая стая мотыльков и попыталась поднять ее в небо.

Вот это правда. И только это.

Но они потерпели неудачу. Мотыльки были не больше приоткрытых от удивления детских ротиков, и даже объединившись в стайки, они могли подхватить лишь прядки темнеющих волос, пока их крылышки не намокали от кро-

ви. По улице пронесся вихрь, поднимая песок, и мотыльков снесло вместе с бутонами. Почва сотряслась под ногами. Небо повернулось вокруг своей оси. Сквозь поднимающийся дым пробилась странная яркая вспышка, и жители Плача зажмурили глаза. Взметнувшаяся пыль, опаляющий свет, вонь селитры. Где-то прогремел взрыв. Все они с легкостью могли умереть, но погибла лишь та девушка, выпавшая из-за пазухи неба.

Босые ноги, рот окрашен в лиловый цвет. Карманы полны слив. Она была юной и прекрасной, изумленной и мертвой.

А еще голубой.

Голубой как опал. Голубой как васильки, крылья стрекозы или весенние — не летние — небеса.

Кто-то закричал. Крик привлек других. Остальные тоже закричали, но не потому, что девушка умерла, а потому, что она голубая — а это что-то да значило в городе Плач. Даже когда небо перестало кружиться, земля успокоилась, а с места взрыва взмыло и рассеялось последнее облачко дыма, крики продолжались, подпитываясь голосами, словно вирус, который передавался по воздуху.

Призрак голубой девушки поднялся и взгромоздился на торчащем острие флерона — всего в паре миллиметров над собственной неподвижной грудью. Ахнув от изумления, она откинула свою невидимую голову и с грустью взглянула вверх.

Крикам не было конца.

И тогда, в другой части города, стоя на монолитном клине из цельного, гладкого, зеркального металла, пошевелилась статуя, словно разбуженная переполохом, и медленно подняла огромную рогатую голову.

ЧАСТЬ I

Шреста (сущ.)

Когда мечта сбывается — но
не у мечтателя.

*Архаичное; происходит от
Шреса — бога-бастарда фор-
туны, который, как утвержда-
лось, наказывал просителей
за ненадлежащее подношение,
награждая их сокровенной меч-
той кого-то другого.*

1. ЗАГАДКИ ПЛАЧА

Имена могут потеряться или забыться. Никто не знал этого лучше, чем Лазло Стрэндж. Изначально у него было другое имя, но оно кануло в Лету, как песня, которую больше некому петь. Быть может, это было старинное родовое имя, отшлифованное предыдущими поколениями. Или же его нарек кто-то, кто любил его. Мальчику нравилось так думать, но правды он не знал. Все, что у него было, это Лазло и Стрэндж¹ — такую фамилию давали всем найденышам в королевстве Зосма, а Лазло — в честь немого дяди-монаха.

— Ему вырвали язык на каторжной галере, — поделился с ним брат Аргос, когда мальчик достаточно подрос, чтобы понять историю. — Дядька был жутко тихим, точь-в-точь как ты в младенчестве, и меня осенило: Лазло! В тот год мне пришлось давать имена стольким детям, что я выбирал любое, какое приходило в голову. — А потом добавил себе под нос словно запоздалую мысль: — Все равно не думал, что ты выживешь.

В тот злополучный год Зосма пала на колени и потеряла огромное количество людей в войне, начавшейся на пустом месте. Война, разумеется, не ограничивалась одними солдатами. Поля сжигали, деревни грабили. По разрушенным селам бродили кучки выселенных крестьян, борясь с воро-

¹ Strange переводится с англ. как «неизвестный».

нами за зерно. Полегло так много, что повозки, отвозившие преступников на виселицу, вместо этого начали возить сирот в монастыри и обители. По словам монахов их привозили, как партию ягнят, и о собственном происхождении они знали не больше, чем ягнята. Некоторые дети оказывались достаточно взрослыми, чтобы знать хотя бы свое имя, но Лазло был всего лишь младенцем, к тому же больным.

— Ты был серый, как дождь, — поведал брат Аргос. — Я не сомневался, что ты умрешь, но затем ты поел, поспал — и со временем вернулся здоровый цвет. Ни разу не плакал, ни разу! И хоть это неестественно, лично мы были очень даже не против. Никто из нас не шел в монастырь, чтобы стать сиделкой.

На что Лазло ответил с пылом, распалаяющим душу:

— И никто из нас не рождался, чтобы стать сиротой.

Но все же он сирота и Стрэндж, и хоть мальчик был склонен к фантазиям, насчет этого он никогда не питал иллюзий. Уже в детстве он понял, что чуда не произойдет. Никто за ним не придет, и он никогда не узнает своего настоящего имени.

Возможно, именно поэтому его так увлекла загадка Плача.

На самом деле загадок было две: одна старая и одна новая. Старая открыла его разум, а вот новая пробралась внутрь, крутанулась пару раз и с ворчанием улеглась — как довольный дракон в новом уютном логове. Там она и останется — загадка в его голове, — источая тайну все последующие годы.

Дело было в имени и в открытии: мало того что оно могло забыться или потеряться — его еще могли и украсть.

Лазло, воспитаннику благотворительной школы в Земонанском аббатстве, было пять, когда это случилось. Он

тайком пробрался в старый фруктовый сад — обитель златоглазок и ночекрылов, — чтобы поиграть. На дворе стояла ранняя зима. Деревья почернели и оголились. При каждом шаге ноги мальчика пробивали корочку наста, а облако пара от его дыхания покорно следовало за ним, как дружелюбное привидение.

Прозвенел Ангелус, его бронзовый голос раскатился над овчарней и садовыми стенами медленными, насыщенными волнами. Призыв к молитве. Если Лазло не поспешит внутрь, все пропустит, и тогда его высекут.

Мальчик никуда не спешил.

Лазло всегда находил способ улизнуть, чтобы побыть в одиночестве. Поэтому на его ногах постоянно краснели полосы от орехового прута, висевшего на крючке с его именем. Оно того стоило. Чтобы убежать подальше от монахов, правил и обязанностей, а также от жизни, которая давила на него как тесная обувь.

Чтобы поиграть.

— Разворачиваетесь, если не хотите неприятностей, — предупредил он воображаемых врагов.

В каждой руке зажато по «мечу» из черных веток яблони, толстые концы обмотаны бечевкой наподобие рукоятки. Он был маленьким тощим беспризорником, с порезами на голове, нанесенными монахами, которые неосторожно сбрили ему волосы, чтобы не завелись вши, но держался с изящным достоинством. Несомненно, в эту секунду в своих глазах он выглядел воином. И не просто воином, а тизерканцем — самым свирепым из всех.

— Ни один чужак, — сказал он своим противникам, — не видел запретного города. И пока я дышу, этому не бывать.

— Значит, нам повезло, — ответили его враги, и во мгле сумерек они казались более реальными, чем монахи, чьи воспевания доносились из аббатства. — Поскольку дышать тебе осталось недолго.

Серые глаза Лазло сузились до маленьких щелочек:

— Думаете, что сможете одолеть *меня*?

Черные деревья закачались в танце. Его привидение из облачка пара унеслось с порывом ветра — только лишь для того, чтобы смениться другим. Тень мальчика разрасталась на земле, и его разум засиял древними войнами и крылатыми созданиями, горой расплавленных костей демонов и городом — городом, который исчез в тумане времени.

Это старая загадка.

Передал ее дряхлый монах, брат Сайрус. Поскольку он был инвалидом, на плечи воспитанников возложили задачу приносить ему еду. Старика сложно было назвать добрым. Уж точно не милым дедулей и наставником. У него была ужасно крепкая хватка, и он часами держал мальчиков за запястья, заставляя их повторять бессмысленные катехизисы и признаваться во всяческих злодеяниях, которые они едва понимали, не то что совершали. Все дети боялись монаха и его крючковатых хищных рук, но старшие мальчики, вместо того чтобы защищать младших, отправляли их в его логово вместо себя. Лазло боялся ничуть не меньше остальных, но все равно вызвался приносить старику все трапезы.

Почему?

Да потому, что брат Сайрус рассказывал истории.

В аббатстве их не одобряли. В лучшем случае они отвлекали от духовного созерцания. В худшем — чтили лжебогов и заражали грехом. Но брат Сайрус давно вышел за рамки подобных ограничений. Его разум отдал швартовы. Он

вечно не понимал, где находится, и эта растерянность его раздражала. Лицо монаха искажалось и краснело. Изо рта брызгала слюна. Но бывали и минуты покоя: когда он проскальзывал в подвал своей памяти, где погрузался в воспоминания о юности и сказках своей бабушки. Он не помнил имен других монахов или даже молитв, которые десятилетиями были его призванием, но истории лились из него потоком, и Лазло слушал. Впитывал их, как кактус капли дождя.

На юге и востоке материка Намаа — далеко-далеко от северной Зосмы — находилась бескрайняя пустыня Эльмуталет, пересечение коей считалось искусством, отточенным немногими, и яростно охранялось от всех других. Где-то в ее пустоте расположился город, но его никто никогда не видел. Он был слухом, басней — но слухом и басней, из которых возникли чудеса, доставляемые через пустыню верблюдами, чтобы разжечь воображение людей во всем мире.

У города было название.

Мужчины, управлявшие верблюдами и привозившие чудеса, поведали название и истории, и те распространились дальше, наряду с диковинками, в дальние края, где вызывали разнообразные видения сверкающих куполов и ручных белых оленей, женщин столь прекрасных, что они растапливали разум, и мужчин, чьи ятаганы ослепляли своим блеском.

Так длилось веками. Чудесам посвящали крылья дворцов, а историям — полки библиотек. Торговцы богатели. Искатели приключений осмелели и отправились на поиски города. Ни один из них не вернулся. Город был под запретом для фаранджей — чужаков, — которых, если они и переживали переход через Эльмуталет, тут же казнили как шпионов. Но это не остановило их попытки. Стоит поставить что-то под запрет — и человек возжаждет этого как спасения своей